

Арктика и Север. 2026. № 62. С. 212–239.

Научная статья

УДК 314.18(571.52)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.212>

Демографические вызовы и перспективы Республики Тыва

Лыткина Татьяна Степановна¹, кандидат социологических наук

Смирнов Андрей Владимирович^{2✉}, кандидат экономических наук

^{1,2} Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ tlytkina@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-9080>

² av.smirnov.ru@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Аннотация. В статье на основе анализа официальной статистики рассмотрены современные демографические процессы в Республике Тыва. Применяются методы демографического анализа с высокой детализацией: траектории миграции анализируются по отдельным муниципальным образованиям, рождаемость — по районам в условных и реальных поколениях, смертность — по ведущим причинам смерти. Цель исследования — оценить перспективы демографического развития Республики Тыва, выявить ограничения и резервы улучшения ситуации. Показано, что благодаря особому положению института семьи в иерархии ценностей, этническому самосознанию, государственным и региональным программам поддержки семьи в республике сохраняются высокие показатели рождаемости. Признаки второго демографического перехода, такие как увеличение числа отложенных рождений и отказ от деторождения, а также сокращение доли многодетных семей связаны с ценностным разрывом социальных групп и формирующимся социальным неравенством. Реализация аграрной экономической политики в регионе не решает проблем бедности, но способствует сохранению традиционного образа жизни тувинцев и влияет на миграционное поведение населения. Среди ведущих причин смерти остаются внешние причины и инфекционные заболевания: туберкулёз, убийства и самоубийства, отравления, воздействие низкой температуры, пневмония и дорожно-транспортные происшествия. Несмотря на то, что основная нагрузка в решении демографических проблем ложится на сельских жителей, они часто умирают в трудоспособном возрасте. Практическая значимость исследования состоит в оценке резервов улучшения демографической ситуации в республике. Поскольку трудности связаны прежде всего с экономическими факторами, предлагается направить усилия на расширение социальной инфраструктуры и развитие экономики через диверсификацию практик хозяйствования, что также позволит создать благоприятные условия для возвратной миграции молодёжи и комфортной жизни старших возрастных групп. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение эффективности мероприятий демографической политики в республике, а также на оценку влияния сжатия и цифровизации социальной инфраструктуры на демографические процессы.

Ключевые слова: демография, структуры населения, миграция, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, территориальные различия, Республика Тыва

* © Лыткина Т.С., Смирнов А.В., 2026

Для цитирования: Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Демографические вызовы и перспективы Республики Тыва // Арктика и Север. 2026; 62: 212–239. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.212>

For citation: Lytkina T.S., Smirnov A.V. Demographic Challenges and Prospects of the Tyva Republic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 62: 212–239. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.212>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-78-10061, <https://rscf.ru/project/24-78-10061/>.

Demographic Challenges and Prospects of the Tyva Republic

Tatyana S. Lytkina¹, Cand. Sci. (Sociol.)

Andrey V. Smirnov^{2✉}, Cand. Sci. (Econ.)

^{1,2} Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS”, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia

¹ tlytkina@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1972-9080>

² av.smirnov.ru@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6952-6834>

Abstract. The article examines contemporary demographic processes in the Tyva Republic based on an analysis of official statistics. Highly detailed demographic analysis methods are applied: migration trajectories are analyzed by individual municipalities, birth rates — by area in conditional and real generations, mortality — by leading causes of death. The purposes of the study are to assess the prospects for the demographic development of the Tyva Republic and to identify limitations and reserves for improving the situation. It is shown that due to the special position of the family institution in the hierarchy of values, ethnic identity, and state and regional family support programs, high birth rates are maintained in the republic. Signs of the second demographic transition, such as an increase in the number of delayed births and refusal to have children, as well as a decrease in the proportion of large families indicate a value gap between social groups and emerging social inequality. The implementation of agricultural economic policy in the region does not solve the problems of poverty, but contributes to the preservation of the traditional way of life of the Tyvan people and influences the migration behavior of the population. It has been revealed that external causes and infectious diseases remain among the leading causes of death: tuberculosis, homicides and suicides, poisoning, exposure to low temperatures, pneumonia and traffic accidents. Despite the fact that rural residents bear the main burden in solving demographic problems, they often die at the working age. The practical significance of the study is to identify reserves for improving the demographic situation in the republic. Since the difficulties are primarily related to economic factors, the authors propose to focus efforts on expanding social infrastructure and developing the economy through diversification of economic practices, which will also create favorable conditions for return migration of young people and a comfortable life for older age groups. Further research should be aimed at studying the effectiveness of demographic policy measures in the republic, as well as assessing the impact of compression and digitalization of social infrastructure on demographic processes.

Keywords: *demography, population structures, migration, fertility, mortality, life expectancy, territorial differences, Tyva Republic*

Введение

Республика Тыва (Тува) — самый нетипичный из регионов, входящих в перечень территорий Крайнего Севера. Это объясняется и её особым пространственным расположением вдали от остальных северных регионов, и национальным составом с преобладанием титульного этноса, и социально-экономической ситуацией. Тува является приграничной зоной между двумя цивилизациями со своей самобытной кочевой, тюркоязычной и буддийской культурой, это «неизвестная часть» России в самом центре Азии [1, Lamazhaa Ch., с. 296], что вызывает интерес учёных из различных сфер. По большинству социально-экономических показателей Тува остается одним из наименее

благополучных регионов России. На 2022 г. республика занимает предпоследнее место по медианным доходам населения (18 691 руб.) и уровню бедности (27,2%), опережая только Ингушетию; а также по ожидаемой продолжительности жизни (67,1 лет), опережая Чукотский автономный округ. В то же время регион занимает второе место по коэффициенту суммарной рождаемости (2,51), уступая только Чеченской Республике¹. Предельные значения показателей делают Туву интересным и важным объектом для демографических исследований.

Статья направлена на изучение демографических перспектив региона и выявление внутренних резервов для стабилизации ситуации в Республике Тыва. Регион полностью входит в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с 1994 г. в связи с природно-климатическими условиями и является в перечне самым южным. Республика не имеет масштабной добывающей промышленности, характерной для большинства северных регионов страны, а по многим показателям близка к аграрным южным регионам. Поэтому для оценки демографических процессов сравнительный анализ будет выполнен как с 13 регионами Крайнего Севера, так и с Россией в целом. Особенность данной работы состоит в детальном анализе данных официальной статистики. Если до сих пор миграция рассматривалась преимущественно в рамках общих процессов для региона или по районам, то в данной работе она изучается в разрезе отдельных поселений и возрастных групп. Рождаемость рассматривается по районам в условных и реальных поколениях. Для изучения смертности использован подробный классификатор, содержащий 307 причин смерти.

Первый параграф статьи посвящён обзору современных исследований населения Республики Тыва. Затем представлены методика исследования и используемые источники данных. Результаты разбиты на четыре подраздела: миграция, рождаемость, смертность и демографические перспективы. В заключительной части статьи обобщены основные результаты исследования.

Между самобытной культурой и рынком: в поисках демографического равновесия

Большинство авторов сходится на том, что сложная демографическая ситуация в регионе связана прежде всего с экономическими факторами. Бедность негативно сказывается на уровне смертности через образ жизни населения и влияет на миграционную привлекательность республики. Т.Ю. Гусаков отмечает, что «причиной стагнации экономики является избранный региональной элитой Тувы «аграрный путь» [2, с. 76]. Однако природно-климатические условия не позволяют вести сельское хозяйство в полной мере на территории всей республики, усугубляя проблемы бедности региона. Наиболее аграрными являются западные и юго-восточные районы (кожууны), а также Пий-Хемский район,

¹ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели — 2023». Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 10.12.2024).

расположенный севернее столицы в центральной части республики. Разнообразие этнокультурных ландшафтов свидетельствует о мозаичности и естественной изоляции территорий [3, Dirin D.A., Fryer P, с. 32], что осложняет экономическое развитие региона и решение проблем бедности [4, Соян Ш.Ч., с. 48–50], способствует оттоку населения.

Негативное влияние на экономическую ситуацию в регионе оказал массовый отток русского населения в начале 1990-х гг. Убыль населения резко усилилась с началом капитализации России, но сальдо миграции стало отрицательным уже в позднесоветский период — после 1970 г. В то же время естественный прирост в Туве был положительным, за исключением 1989–2002 гг. [5, Абылкаликов С.И., с. 135]. Снижение численности населения в разных этнических группах лишает регион культурного многообразия и квалифицированных кадров. В современной ситуации это ограничивает возможности обогащения тувинской экономики современными навыками и технологиями [6, Tarbastaeva I.S.], а также снижает качество услуг в сфере образования и медицины. Учитывая уровень бедности в регионе, Тува становится малопривлекательной для переезда специалистов из других регионов России, несмотря на потребности региона в высококвалифицированных кадрах из-за сжатия социальной инфраструктуры на периферии.

Внутрирегиональная миграция стягивает наиболее активное население в столицу, практически не оставляя перспектив для развития отдалённых районов республики, сохраняя там высокий уровень бедности [7, Балакина Г.Ф., Анайбан З.В., с. 92]. В целом миграционная подвижность жителей республики невысока. По переписи населения 2021 г. более половины жителей Тувы, указавших продолжительность проживания, не имели опыта долговременной миграции [8, Абылкаликов С.И., Баймурзина Г.Р., Баталов Р.О., с. 6], т. е. не покидали свои муниципалитеты более чем на девять месяцев. Последние исследования миграций показали, что наблюдаемые перемещения связаны в основном с получением образования молодёжью. Изучение цифровых следов из социальной сети «ВКонтакте» выявило, что 39,5% выпускников школ Тувы продолжают обучение в регионе, в г. Кызыле. Помимо столицы региона жители республики поступают в вузы Красноярска, Новосибирска, Москвы, Томска, Абакана, Барнаула, Кемерово, Благовещенска, Иркутска и Улан-Удэ [9, Чернышев К.А., Митягина Е.В., Чернышева Н.В. и др., с. 75, 77, 79]. Иными словами, наблюдается заинтересованность выпускников школ в обучении за пределами родного региона.

В Туве с преимущественно аграрной экономикой сохраняется благоприятная ситуация по показателям рождаемости. Сохранение культурной самобытности, этнического самосознания и интеграции культурных символов и образов в формирование имиджа региона [1, Lamazhaa Ch.], а также расширенная региональная поддержка воспроизводства сельскохозяйственных предприятий и традиционного сельского уклада [2, Гусаков Т.Ю.] способствуют воспроизводству семейных ценностей. Социологические исследования подтверждают сосредоточенность жителей Тувы на ближнем круге, семье, детях и здоровье

[10, Натсак О.Д., с. 64]. Каждая третья семья в республике является многодетной [11, Натсак О.Д., с. 128]. Тем не менее, существующие индивидуальные ценности общественного развития входят в противоречие с поддерживаемым региональными властями образом жизни тувинцев, что при недостатке мер социальной поддержки увеличивает риск попадания многодетных семей в категорию малоимущих. Наиболее ярко противоречия проявились в дискурсивных практиках о современных тувинках [12, Боргоякова Т.Г., Лопсан А.П.]. С одной стороны, это финансово успешные женщины, занимающиеся собственным бизнесом и карьерой; а с другой — женщины, подвергающиеся домашнему насилию и с низким статусом на работе [13, Анайбан З.В., с. 37]. В то же время традиционный образ мужчины — кормильца и защитника — смещается в сторону иждивенческих интересов [12, Боргоякова Т.Г., Лопсан А.П.]. На наш взгляд, это приводит к формированию «современных» стратегий семейных отношений и как результат — к росту удельного веса нуклеарных неполных семей и доли незарегистрированных союзов [14, Ростовская Т.К., Натсак О.Д., Еламанова А.С., с. 243]. В данном контексте просматриваются не только ценностный разрыв социальных групп и формирующееся социальное неравенство, но и противоречия между проводимой аграрной политикой в экономике региона и социальной политикой, способствующей истощению социальных связей и росту социальных проблем.

Традиционная культура народов, в том числе тувинцев, ориентирована на уплотнение социальных связей, даже в тех сообществах, где высока роль индивидуализации в способах поддержания домашнего хозяйства. Именно плотность социальных сетей и этническое самосознание позволяют эффективно использовать социальные ресурсы (сети) и иметь положительные результаты сотрудничества между людьми в реализации частных и общественных интересов [15, с. 266]. Это хорошо осознаётся сообществами, утратившими эту «социальную силу», не имеющими сегодня возможности участвовать в формировании стратегий развития территорий на региональном уровне [16, Лыткина Т.С., Ярошенко С.С.]. В то же время сохранение и использование самобытной культуры исключительно в качестве инструмента заработка не способствует решению социальных проблем. Бедность, кризис инфраструктуры, безработица, маргинализация населения отдаленных сельских районов приводят к росту заболеваемости, алкоголизму и высокой смертности населения. В настоящее время наблюдается чрезвычайно высокая доля предотвратимых причин в структуре смертности [17, Сабгайда Т.П. и др., с. 62], самая высокая смертность от туберкулёза в стране [18, Ревякина О.В. и др., с. 167]. В группе риска по поведенческим факторам смертности сельские мужчины после 35-летнего возраста и сельские женщины в возрасте от 20 до 34 лет [17, с. 57]. С возраста 15–19 лет мужская смертность начинает вдвое превышать женскую [11, Натсак О.Д.].

Таким образом, в Туве сохраняется ряд серьёзных социально-экономических проблем. Традиционный образ жизни, поддерживаемый тувинцами, с одной стороны, оказывает благоприятное влияние на уровень рождаемости населения; с другой — не

позволяет решать проблемы бедности региона, определяя высокие показатели смертности и ориентацию молодёжи на отъезд. Обращаясь к анализу статистических данных, мы более детально рассмотрим миграционные настроения жителей, дальнейшие возможности воспроизводства населения региона и ведущие причины смерти.

Данные и методы

Источником данных для изучения миграции стала База данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Росстата. Из неё выгружены показатели числа прибывших и выбывших в разрезе городских округов, поселений и возрастных групп. Путём деления значений показателей на численность населения соответствующих групп получены показатели интенсивности миграции. Сумма прибытий и выбытий на 1 000 жителей даёт коэффициент миграционного оборота, а разность — коэффициент миграционного прироста (убыли). Первый отражает склонность населения к миграции, а второй фиксирует её результаты.

Рождаемость анализируется как в условных, так и в реальных поколениях. Основной источник данных для анализа рождаемости в реальных поколениях, т.е. за всю жизнь женщины, — итоги всероссийских переписей населения 2010 и 2021 гг. Качество результатов последней переписи подверглось критике в связи со значительным числом «не ответивших», использованием административных источников, пропусками при заполнении онлайн [19, Андреев Е.М., Чурилова Е.В.; 20, Чудиновских О.С.], но перепись остаётся одним из немногих общедоступных источников для анализа уровня рождаемости. Итоги переписей содержат информацию о среднем числе рождённых детей на 1 000 женщин по городским округам, муниципальным районам и возрастным группам женщин. Для женщин от 50 лет и старше этот показатель отражает итоговую рождаемость поколения, но и для более молодых женщин он позволяет выявить изменения в территориальных и возрастных закономерностях рождаемости в реальных поколениях. Рождаемость в условных поколениях (по календарным годам рождения детей) на муниципальном уровне рассчитывалась методом косвенной стандартизации по 5-летним группам на основе данных БДПМО. Методика аналогична использовавшейся в работе А.Н. Петросяна [21, Петросян А.Н.]. За стандарт принято население республики соответствующих лет.

Для изучения смертности применялись данные по возрастам и причинам смерти из Российской базы данных по рождаемости и смертности² (РосБРИС). Было решено использовать усредненные данные за 2015–2021 гг., поскольку начиная с 2022 г. внешние причины смерти не детализируются. Было рассчитано влияние каждой из 307 причин смерти (включая COVID-19) на ожидаемую продолжительность жизни. Для этого построены стандартные таблицы смертности [22, Preston S., Heuveline P., Guillot M.] и таблицы

² Российская база данных по рождаемости и смертности / Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). URL: <https://www.nes.ru/demogr-fermort-data> (дата обращения: 10.12.2024).

смертности, в которых исключены отдельные причины смерти путём уменьшения возрастных коэффициентов смертности на величину возрастных коэффициентов смертности от изучаемой причины. Сопоставление значений итоговых показателей таблиц смертности позволяет ответить на вопрос — насколько изменится продолжительность жизни мужчин и женщин, если они перестанут умирать от определенной причины? Следует отметить, что в действительности смертность от большинства причин не является полностью устранимой, а снижение смертности от одной причины может привести к увеличению смертности от других. Кроме того, практики кодирования причин смерти могут иметь свои особенности в конкретном регионе, поэтому межрегиональные сравнения показателей имеют ограничения. Различия между районами в уровне смертности анализировались с помощью стандартизованного по полу и возрасту общего коэффициента смертности.

Алгоритмы для расчётов были реализованы на языке программирования Julia, а карты-схемы построены с помощью пакета VegaLite.jl.

Результаты исследования: демографические процессы в Республике Тыва

Согласно итогам переписи, общая численность населения республики на 2021 г. составляет 336 651 чел., из которых 47,2% — мужчины. Городское население составляет немногим больше половины (54,6%). В постсоветский период население Республики Тыва увеличилось на 27,5 тыс. чел., или на 8,9%. В настоящее время республика включает два городских округа: столицу республики Кызыл и Ак-Довурак, а также 17 муниципальных районов, в которые входят ещё 4 городских поселения и 120 сельских поселений. Всего в республике 6 городских населённых пунктов (5 городов и 1 посёлок городского типа — пгт) и 144 — сельских. Примечательно, что население столичного городского округа Кызыл росло медленнее, чем в близко расположенном к нему поселке городского типа Каа-Хем³. Если в столице население за последнее десятилетие увеличилось на 13,9%, то в указанном пгт — на 30,9%. Рост обусловлен близостью к центру, наличием развернутой инфраструктуры и возможностями строительства жилья собственными силами. Несмотря на более высокие темпы роста населения в пгт Каа-Хем, доля Кызыла в населении региона между переписями 1989 и 2021 гг. увеличилась с 27,4 до 37,2%. Концентрация населения в двух соседних городских населённых пунктах, практически образующих единую территорию с развитой инфраструктурой и возможностями решения повседневных проблем, демонстрирует интерес жителей к этому месту проживания (табл. 1).

³ Хотя сам Каа-Хемский район с точки зрения миграционной привлекательности является одним из худших в Республике.

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Тыва по городским округам и муниципальным районам, 1989–2021 гг., чел.⁴

Территория	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2021 г.	Прирост (убыль) за 2010–2021 г.		
					общий	естественный	миграционный*
Республика Тыва	309 129	305 510	307 930	336 651	28 721	45 999	-17 278
городские округа:							
Кызыл	84 641	104 105	109 918	125 241	15 323	15 809	-486
Ак-Довурак	образ. в 1994 г.	12 965	13 468	12 456	-1 012	1 905	-2 917
муниципальные районы:							
Бай-Тайгинский	13 401	12 321	10 803	10 807	4	1 643	-1 639
Барун-Хемчикский	31 421	12 683	12 847	12 178	-669	1 732	-2 401
Дзун-Хемчикский	22 748	21 361	19 918	19 645	-273	3 743	-4 016
Каа-Хемский	14 982	13 071	12 279	12 337	58	1 386	-1 328
Кызылский	22 205	22 678	27 659	35 868	8 209	4 559	3 650
Монгун-Тайгинский	5 576	5 938	5 661	6 101	440	1 250	-810
Овюрский	8 868	7 930	7 022	7 380	358	1 226	-868
Пий-Хемский	14 236	11 431	10 092	10 621	529	602	-73
Сут-Хольский	12 038	8 430	8 029	8 310	281	1 349	-1 068
Тандинский	23 653	13 827	12 891	15 284	2 393	1 762	631
Тере-Хольский	образ. в 2002 г.	1 835	1 882	1 944	62	333	-271
Тес-Хемский	10 413	8 908	8 174	8 966	792	1 552	-760
Тоджинский	6 448	5 931	6 020	6 667	647	1 073	-426
Улуг-Хемский	29 866	19 461	19 266	20 309	1 043	2 861	-1 818
Чаа-Хольский	образ. в 1992 г.	6 532	6 036	6 173	137	917	-780
Чеди-Хольский	образ. в 1993 г.	8 081	7 685	7 788	103	1 180	-1 077
Эрзинский	8 633	8 022	8 280	8 576	296	1 117	-821

* механический прирост — расчёты авторов.

Снижение населения за последний межпереписной период наблюдается только в двух городах: Туран (1,0%) и Ак-Довурак (7,5%). Первый был создан русскими переселенцами в конце XIX в., второй известен своей промышленной специализацией, благодаря появлению в 1964 г. комбината по производству асбеста, шифера и других товаров. Комбинат практически остановил работу в 1990-е гг., и сегодня местными властями предпринимаются попытки возобновления его работы [2, Гусаков Т.Ю.]. Из 120 сельских поселений численность населения выросла в 70, из них в 15 — более чем на четверть. Среди 50 убывающих поселений более четверти жителей потеряли всего 5 (рис. 1).

⁴ Источник: итоги переписей населения 1989-2021 гг. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693>; <https://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6> (дата обращения: 10.12.2024).

Рис. 1. Изменение численности населения поселений Республики Тыва, 2010–2021 гг.⁵

Районы (кожууны): 1 — Бай-Тайгинский, 2 — Барун-Хемчикский, 3 — Дзун-Хемчикский, 4 — Каа-Хемский, 5 — Кызылский, 6 — Монгун-Тайгинский, 7 — Овюрский, 8 — Пий-Хемский, 9 — Сут-Хольский, 10 — Тандинский, 11 — Тере-Хольский, 12 — Тес-Хемский, 13 — Тоджинский, 14 — Улуг-Хемский, 15 — Чаа-Хольский, 16 — Чеди-Хольский, 17 — Эрзинский.

Представленная демографическая динамика сельских поселений Тувы значительно лучше, чем в большинстве регионов России, в особенности относимых к Крайнему Северу. За 2010–2021 гг. в результате миграционного обмена Республика Тыва потеряла всего 5,6% населения, что является небольшим оттоком в сравнении с другими северными регионами и полностью компенсируется естественным приростом. Кроме того, если по всему Российскому Северу мы наблюдаем снижение численности сельского населения в подавляющем большинстве сельских населённых пунктов, то в Туве это наблюдается менее чем в половине из них благодаря высокой рождаемости. В последнее десятилетие медианный прирост по городским округам и поселениям составил 7,0%, по сельским — 1,8%. Этот наметившийся тренд говорит не в пользу демографических перспектив сельских районов. Рассмотрим подробнее, как на численность населения Тувы в различных населённых пунктах влияют миграционные процессы, уровень рождаемости и продолжительность жизни.

Миграционное движение

Анализ миграционной статистики на уровне поселений и по направлениям перемещений с 2014 по 2023 гг. показал, что характерной чертой для республики является преобладание внутренних перемещений. Подавляющее большинство поселений (109) вообще не участвовали в международном обмене, в результате которого из Тувы выбыло всего 2,5 тыс. чел., а прибыло — 2,8 тыс. чел. Миграционный прирост составил 312 человек,

⁵ Источник: итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 10.12.2024).

из которых 286 пришлось на Кызыл. Наибольший международный обмен зафиксирован с Кыргызстаном, Беларусью, Узбекистаном и Монголией. Приток международных мигрантов не компенсирует отток в другие регионы России и практически не влияет на этнический состав населения региона. Удельный вес тувинцев в 13 районах и округах республики из 17 превышает 95%, и только в Каа-Хемском районе — ниже 80% (рис. 1).

Фиксируемый статистикой миграционный отток — результат межрегионального обмена, в котором участвуют все поселения. Всего из Тувы в другие регионы страны за последнее десятилетие выбыло 57,4 тыс. чел., прибыло 42,1 тыс. чел. Отрицательное сальдо составило 15,3 тыс. чел.⁶ Самая высокая убыль — в Кызыле (9 174 чел.), Кызылском (1 907 чел.), Каа-Хемском (755), Пий-Хемском (675) районах в центре республики, а самая низкая — в Монгун-Тайгинском, Эрзинском и Овюрском районах, расположенных вдоль южной границы России.

На внутрирегиональном уровне в миграционном обмене также участвуют все поселения. Прирост наблюдается в 20 из них. Наибольший внутрирегиональный прирост демонстрируют столичный Кызыл (7 611 чел.) и расположенные близко к нему районы: Кызылский (3 887 чел.), Тандинский (1 374 чел.), Пий-Хемский (288 чел.). Наивысшая миграционная убыль зафиксирована в западных периферийных районах: Дзун-Хемчикском (2 462 чел.), Барун-Хемчикском (1 542 чел.) и Бай-Тайгинском (1 249 чел.), а также в Ак-Довураке (1 261 чел.). В относительном выражении по оттоку лидируют эти же районы. Карта демонстрирует, что убывающие в результате внутрирегионального обмена населённые пункты расположены в отдаленных районах востока (Тере-Хольский, Тоджинский) и запада (Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Сут-Хольский) республики. В то же время близкие к административному центру населённые пункты теряют население в межрегиональном обмене (рис. 2).

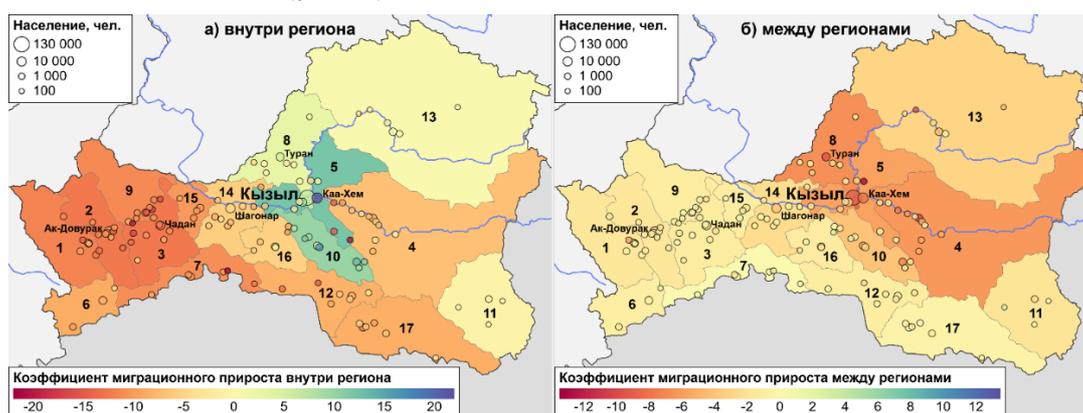

Рис. 2. Коэффициенты миграционного прироста в Республике Тыва по типам перемещений, среднегодовое значение за 2014–2023 гг.⁷

Низкие показатели миграционной подвижности наблюдаются в поселениях старообрядцев в верховьях Енисея, особенно в Сизимском сумоне, несмотря на то что с

⁶ Небольшой прирост населения наблюдается в 24 поселениях, в остальных 102 — убыль. Наибольший межрегиональный прирост, всего 26 человек за десятилетие, в поселении Хайыракан.

⁷ Источник: БДПМО Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 10.12.2024).

начала 2000-х гг. они не в силах больше обеспечить свои домохозяйства с помощью промыслов и других традиционных видов занятости и вынуждены чаще уходить в отходничество [2, Гусаков Т.Ю., с. 91]. Причиной малой подвижности могут быть избранный образ жизни или социальное исключение данной группы. При этом замкнутый образ жизни часто проявляется в виде оптимизации стратегии выживания. Другими словами, решение проблем бедности одновременно провоцирует миграционный отток жителей отдаленных районов со слабой экономикой в более благополучные районы республики. Недостаток средств на переезд и адаптацию к новым местам проживания приводит к оседлости — крайней форме социального исключения. Ни то, ни другое не способствует развитию этих территорий.

Таким образом, в Туве, несмотря на преимущественно аграрную экономику, административный центр и городские поселения с развитой инфраструктурой стягивают к себе сельское население. Кызыл становится центром притяжения международных мигрантов и жителей периферийных территорий республики, которые, не обладая достаточными ресурсами для переезда в другие регионы России, выбирают в качестве направления миграции региональную столицу. В то же время городские жители, сформировав необходимые ресурсы для отъезда, покидают регион. В самой столице республики, г. Кызыле, за счёт превышения межрегиональной убыли над внутрирегиональным и международным приростом наблюдается итоговая убыль. А общий миграционный прирост зафиксирован в десяти поселениях, расположенных преимущественно рядом со столицей: Каа-Хем, Дурген, Успенка, Арыг-Бажы, Межегей, Кызыл-Арыг, Кочетово, Балгазын, Сукпак, Сумон Каргы. За исключением последнего перечисленные населённые пункты расположены на расстоянии не более 120 км от Кызыла.

Возрастной профиль миграции показывает различия между Кызылом и остальными муниципальными образованиями. Внутри региона наиболее подвижно население в возрасте от 15 до 39 лет. Иными словами, миграция распространена не только среди студенческой молодёжи, но и среди более старших когорт, причём во всех возрастных группах сальдо миграции отрицательно по отношению к региональной столице. В межрегиональной миграции пик отъездов гораздо более выражен и приходится на поступающих в вузы (15–19 лет). В возрасте от 20 до 24 лет наблюдается положительное сальдо, но оно отчасти определяется снятием студентов с регистрационного учёта после завершения обучения — автовозвратами. Склонность к выездной миграции, хоть и в меньшей степени, также имеют и лица пенсионного возраста, что скорее свидетельствует о наличии семейной стратегии: учёба и трудоустройство детей за пределами региона и последующий переезд родителей к своим детям после выхода на пенсию (рис. 3).

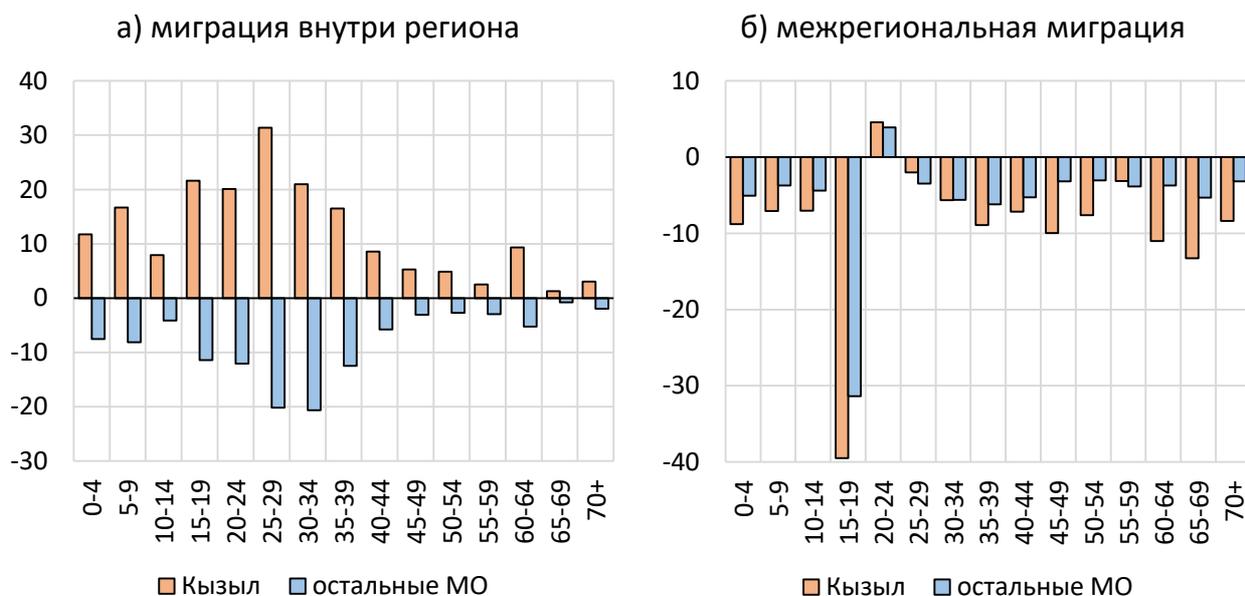

Рис. 3. Коэффициенты миграционного прироста в Республике Тыва по видам миграции и возрастным группам, 2023 г.⁸

Анализ миграционных процессов в регионе выявил высокий удельный вес межрегиональной образовательной миграции. Результаты предыдущих исследований доказывают, что для снижения оттока молодёжи из республики решающее значение имеет сохранение и развитие образовательной инфраструктуры внутри региона, а образовательным центрам для компенсации межрегионального оттока требуется наличие сельского населения в окружающих районах [23, Лыткина Т.С., Смирнов А.В.]. В 2022 г. в Республике Тыва был всего один вуз (Тувинский государственный университет), приведённый контингент студентов которого составил 3 316 чел. В 16 организациях среднего профессионального образования обучается 8 667 чел., причём половина организаций расположена в г. Кызыле. По мере увеличения спроса на образовательные услуги нехватка бюджетных мест может привести к более высокому межрегиональному миграционному оттоку [24, Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., с. 207].

Данные цифровых следов населения из профилей социальной сети «ВКонтакте» позволяют выявить траектории миграции населения. Хордовая диаграмма, построенная с помощью алгоритма Г. Абея [25], демонстрирует, что более половины выбывших из районов Тувы переезжают в Кызыл, а жители столицы чаще всего перемещаются в Красноярск, Москву, Новосибирск и Абакан. Обратные потоки в разы меньше по величине. Перемещения между сельскими территориями незначительны (рис. 4).

⁸ Источник: БДПМО Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 10.12.2024).

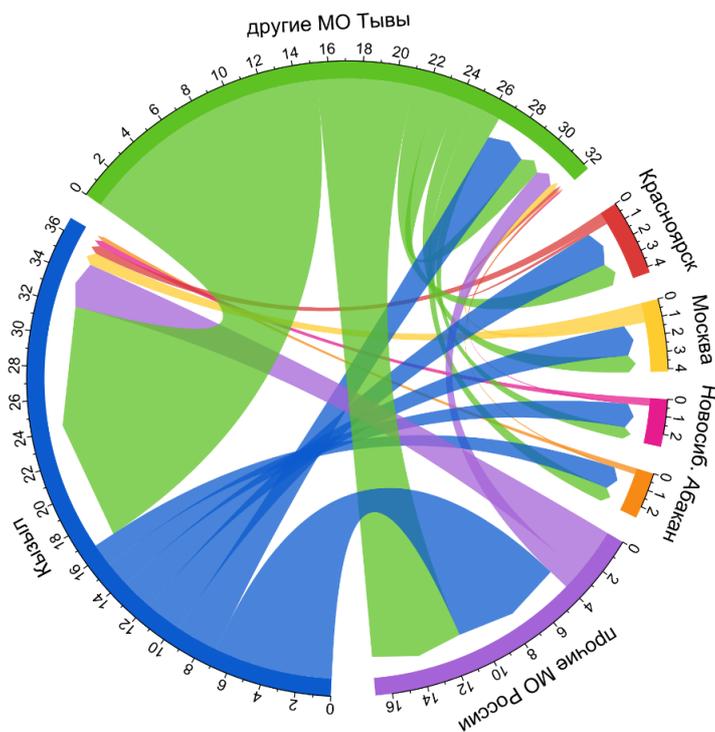

Рис 4. Распределение миграции населения Республики Тыва по муниципальным образованиям, %⁹.

Отсутствие сравнимых с Кызылом центров приводит к тому, что миграционные траектории жителей региона довольно однообразны: сельские районы обеспечивают приток населения в города. В то же время социальный потенциал наиболее отдалённых и замкнутых поселений, оказавшихся в режиме социального исключения [26, Лыткина Т.С.], остаётся не раскрытым. Если вовремя не принять меры социальной поддержки, то процессы старения и воспроизводства бедности будут протекать здесь быстрее.

Рождаемость

Сохранение традиционной экономики и материальное стимулирование способствуют относительно высокой рождаемости в регионе. Сравнивая различные исторические периоды, отметим, что коэффициент суммарной рождаемости начал сокращаться ещё в советские годы, а число детей в семьях постепенно снижалось. В 1989 г. он составлял 3,31. Расширенное воспроизводство в регионе сохранялось до 1996 г., но с 1993 г., исключительно благодаря сельским жительницам. Минимальных значений суммарный коэффициент (1,52) для городских жительниц достиг в 2000 г., а для сельских женщин — годом позже (2,15). С улучшением экономической ситуации в стране уже в 2002 г. суммарный коэффициент рождаемости у сельских жительниц вырос до 2,46, а у городских — до 1,77. Мы предполагаем, что на рост рождаемости в данный период мог повлиять также уровень этнического самосознания. С введением в 2007 г. программ, стимулирующих рождаемость в стране, он значительно вырос как среди городских женщин, так и сельских (2,34 и 3,11). В целом сельские женщины оказались более отзывчивы на меры социальной поддержки.

⁹ Источник: Виртуальное население России. URL: <https://webcensus.ru/> (дата обращения: 10.12.2024).

Своих максимальных значений показатель достиг в 2020 г. в городах (2,88) и в 2014 г. в сельской местности (6,41), затем начал сокращаться. Тем не менее регион по-прежнему выглядит благополучным с точки зрения рождаемости. Доля детей в численности населения с начала нулевых годов практически неизменна и остается немногим выше 30% (в 2021 г. составила 32,7%). Отметим, что по показателям рождаемости в России Тува уступает только Чечне, где также высок уровень этнического самосознания, а качество жизни значительно выше.

Кызыл — город, стягивающий к себе население сельских поселений, в меньшей степени способен к воспроизводству населения, что свидетельствует об опережающем демографическом переходе. Относительно низкая рождаемость фиксируется также в соседних Пий-Хемском, Чеди-Хольском, Кызылском и Тандинском районах. В первых двух наблюдается незначительный миграционный отток, в последних — прирост. Отдалённые территории (Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Сут-Хольский кожууны и др.), напротив, имеют наиболее высокий уровень рождаемости, но и миграционный отток там наивысший (рис. 5).

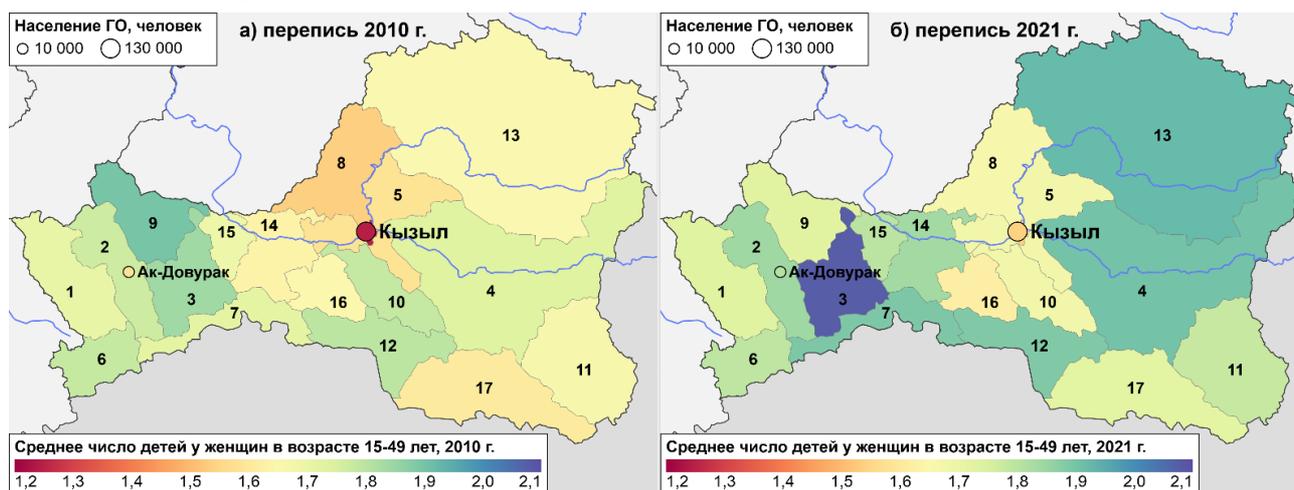

Рис. 5. Среднее число детей у женщин в репродуктивном возрасте в Республике Тыва по городским округам и муниципальным районам, 2010 и 2021 гг.¹⁰

Показатели условных поколений лучше демонстрируют краткосрочные изменения рождаемости. В исследовании общероссийского охвата за 2011–2019 гг. все территории Тувы наряду с некоторыми республиками Северного Кавказа вошли в число районов с самой высокой рождаемостью [21, Петросян А.Н.]. За 2014–2023 гг. коэффициент суммарной рождаемости, вычисленный методом косвенной стандартизации, снизился во всех муниципальных образованиях республики — в среднем на 1,65. Хотя везде, кроме Эрзинского и Кызылского районов, рождаемость была выше уровня простого воспроизводства, меры стимулирования рождаемости уже не так эффективны, как ранее (рис. 6). Можно предположить, что когорты женщин, родившихся в XXI в., уже не будут достигать уровня простого воспроизводства. Данные переписи 2021 г. позволяют отследить

¹⁰ Источник: итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 10.12.2024).

зависимость уровня рождаемости от национальности и территории проживания. Так, рождаемость среди тувинков, проживающих в Туве, намного выше, чем среди тувинков из других регионов России (2 094 и 1 783 ребенка на 1 000 женщин в возрасте от 30 до 34 лет соответственно). В республике выше и рождаемость среди русских женщин (1 625 против 1 296 в остальной России). Лидирует в регионе по среднему числу детей на одну женщину субэтнос тувинцев-тоджинцев (2 502).

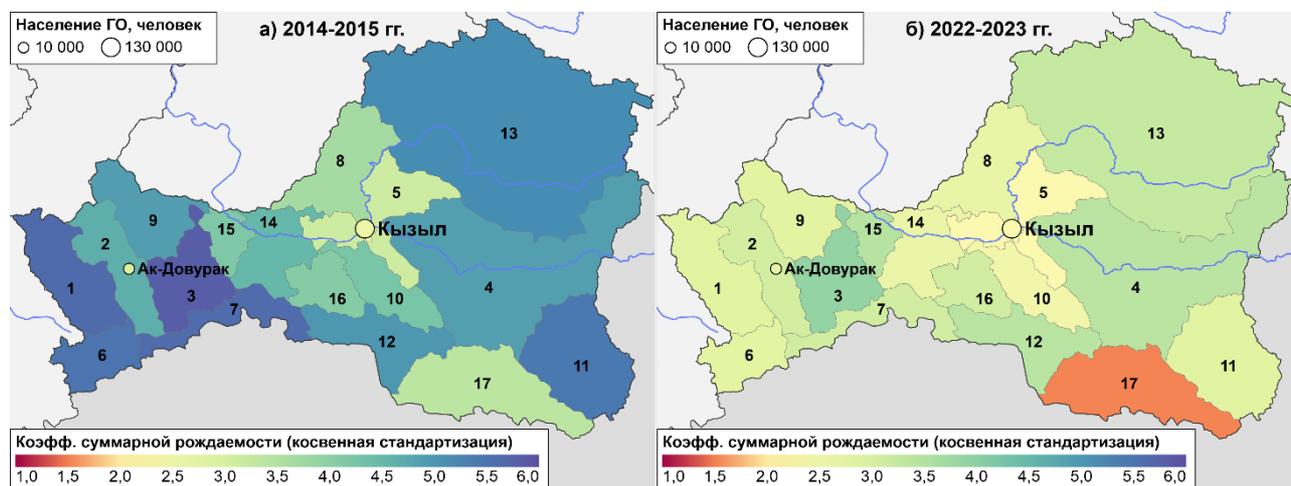

Рис. 6. Стандартизированный коэффициент суммарной рождаемости в Республике Тыва по городским округам и муниципальным районам, 2014–2015 и 2022–2023 гг.¹¹

Анализ по возрастным группам и типам поселений показал, что, несмотря на рост общей рождаемости, наблюдается сокращение показателей как в самых молодых когортах (18–24 года), так и в старших (45 лет и более). Снижение числа рожденных детей и откладывание рождений молодыми женщинами свидетельствует о вестернизации и глобализации культуры и нацеленности молодежи на карьеру [1, Lamazhaa Ch., с. 305]. Увеличение числа детей у горожанок старших возрастов скорее говорит о влиянии мер материального стимулирования и доступности социальных услуг во время беременности и рождения ребенка для городских женщин, решивших родить ребенка ближе к 40 годам и даже позже.

Как и в большинстве регионов мира, женщины в Туве дифференцируются на две группы: одна сознательно отказывается от деторождения, вторая — ориентирована на семью и детей. Распределение женщин по числу рожденных детей указывает на сокращение доли многодетных семей. Для женщин, чей возраст в 2010–2021 гг. был 60 лет и более, а реализация репродуктивных функций приходилась на период 1960–1980-х гг., многодетность была нормой. Почти каждая третья женщина родила пять и более детей (рис. 7).

¹¹ Источник: БДПМО Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 10.12.2024).

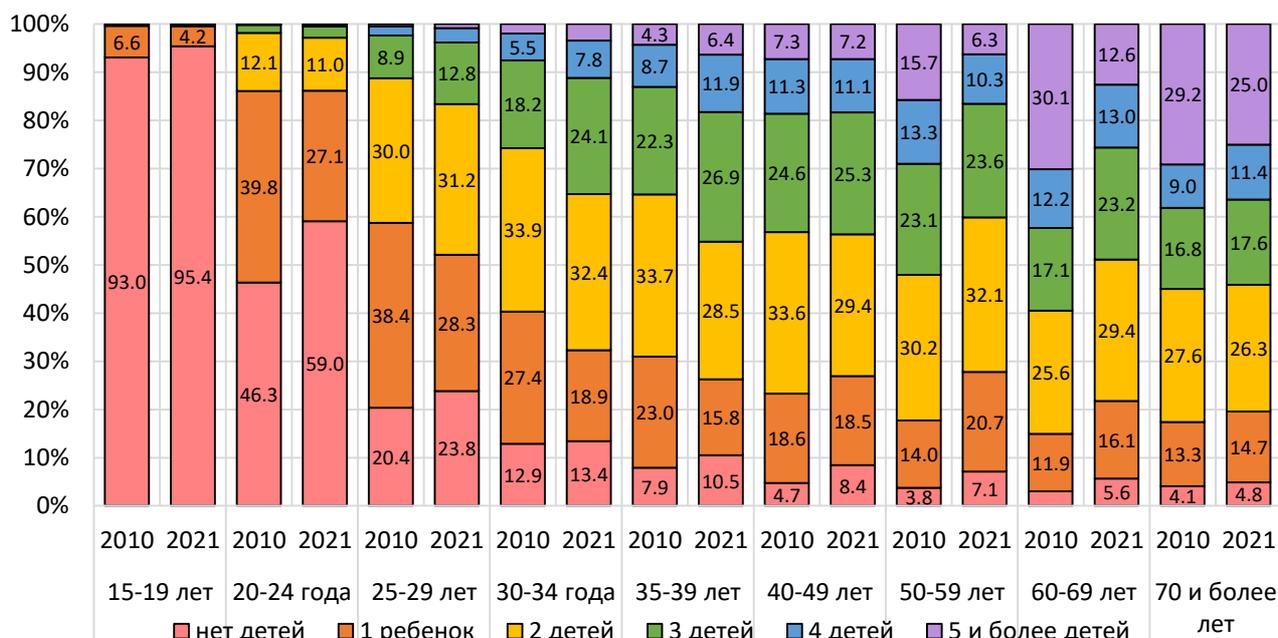

Рис. 7. Распределение женщин Республики Тыва по возрастным группам и числу рождённых детей, 2010 и 2021 гг., %¹².

Для следующего поколения женщин желание иметь большое число детей в семье резко сокращается. Среди женщин старше 50 лет, чей активный возраст реализации репродуктивных функций пришелся на период экономических реформ 1990-х гг., резко увеличивается доля женщин, отказавшихся от детей. Нормой становится наличие двух-трёх детей в семье. Если посмотреть на молодые когорты (в особенности, в возрасте от 20 до 24 лет), чьи репродуктивные планы ещё могут быть реализованы в будущем, то видно, что растёт число бездетных или отложенных рождений, что демонстрирует признаки второго демографического перехода — пересмотр индивидуальных взглядов на брак и семью [27, Калабихина И.Е., Кузнецова П.О., с. 25]. Хотя демографический переход в Тыве обычно характеризуется как незавершённый, сочетание признаков первого и второго переходов может иметь теоретические объяснения. Известно, что чем позже демографический переход стартует, тем быстрее он происходит. Тот путь, который отдельные страны Запада проходили несколько столетий, некоторые развивающиеся страны успевают пройти за одно-два поколения. В Тыве, где переход особенно поздний, это может проявляться ещё более выражено — признаки двух переходов наблюдаются одновременно в разных возрастных когортах. Следует также отметить, что вестернизация традиционных обществ благодаря интернету и телевидению может привести к распространению новых моделей семьи и рождаемости даже раньше, чем формируются экономические основания для перехода [28, Frantsuz Yu.A.]. Увеличение доли женщин с двумя и тремя детьми в возрасте 25–34 лет вселяет определённый оптимизм при условии, что не будет ускоренно расти доля бездетных.

¹² Источник: итоги переписей населения 2010 и 2021 гг. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 10.12.2024).

Таким образом, в регионе сохраняется высокий уровень рождаемости. В наиболее сложные экономические времена Тува воспроизводством населения обязана сельским жительницам отдалённых периферийных районов. Столичный город в меньшей степени воспроизводит население. Однако нельзя не отметить, что улучшение социальной инфраструктуры и меры материального стимулирования способствовали росту числа рождений детей у городских женщин в более старших возрастных группах, в том числе отказу от бездетности — репродуктивного поведения, более характерного для данной социальной группы.

Смертность и продолжительность жизни

В 2023 г. продолжительность жизни женщин в России составила 78,7 лет, а в Туве — 73,3 года. Продолжительность жизни мужчин — 68,0 лет в России и 59,9 лет в Туве. Разница в продолжительности жизни тувинских женщин и мужчин составляет 13,4 года, что на четверть выше российских значений. Следует отметить, что в 2023 г. ожидаемая продолжительность жизни сельских мужчин составила всего 56,7 лет. Это один из самых низких показателей в стране. Ещё ниже только в Чукотском АО и в Магаданской области. Во всех возрастных группах старше 15 лет возрастные коэффициенты смертности в Туве существенно выше среднероссийских.

Рассмотрим ведущие причины смерти в регионе, влияние которых на ожидаемую продолжительность жизни (при рождении) превышает четверть года. Данные показывают, насколько изменилась бы продолжительность жизни населения, если бы смертность от отдельной причины была устранена, а от остальных причин осталась бы неизменной. Обратим внимание на те причины, смертность от которых в Туве превышает средние по стране и северным регионам показатели. Во-первых, это группа из семи внешних причин смерти (табл. 2).

Таблица 2

Потери в ожидаемой продолжительности жизни от внешних причин смерти в Республике Тыва, регионах Севера и России, 2015–2021 гг.¹³*

Код	Причина смерти	Мужчины			Женщины		
		Россия	Север	Тува	Россия	Север	Тува
285	Убийство (нападение, насилие), совершённое другим человеком	0,16	0,26	0,94	0,06	0,09	0,24
294	Контакт с острым и тупым предметом с неопределёнными намерениями	0,21	0,26	0,69	0,06	0,08	0,25
290	Повешение, удушение и удушение с неопределёнными намерениями	0,16	0,23	0,68	0,04	0,05	0,20
258	Лицо, находившееся в автотранспортном средстве, пострадавшее в результате ДТП	0,21	0,23	0,47	0,09	0,11	0,33
284	Другие преднамеренные самоповреждения (включая самоубийство)	0,39	0,50	0,51	0,09	0,13	0,23
302	Воздействие чрезмерно низкой природной температуры	0,11	0,15	0,35	0,04	0,07	0,35
279	Случайное отравление (воздействие)	0,19	0,18	0,27	0,06	0,08	0,28

¹³ Источник: составлено авторами по данным РосБРИС.

алкоголем

* Север — среднее взвешенное значение по 13 регионам, полностью входящим в Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: республики Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Тува; Камчатский край; Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области; Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа.

Влияние убийств в 5,9 раза выше среднего по стране уровня у мужчин и в 4,0 раза — у женщин. Суммарно убийства отнимают 0,6 года от продолжительности жизни населения. Во много раз выше в Туве влияние и ряда других внешних причин смерти: контакты с острыми и тупыми предметами (влияние — 0,47 года), удушения с неопределёнными намерениями (0,44), дорожно-транспортные происшествия (0,40). Любопытно, что влияние низких температур во много раз выше не только среднего по стране уровня, но и среднего уровня по регионам Крайнего Севера. Воздействие чрезмерно низкой природной температуры сокращает продолжительность жизни на 0,35 года. Случайное отравление алкоголем, под воздействием которого часто наступают и остальные внешние причины смерти, сокращает ОПЖ на 0,28 года. С другими северными регионами Туву объединяет прежде всего высокая смертность мужчин от самоубийств. Все указанные причины смерти являются результатом бедности и социально-психологического состояния населения, как реакции на трудности в решении повседневных проблем, на осознание низкого качества жизни и социального неравенства, приводящих к маргинализации личности, а также проявлению деструктивных форм поведения. Помимо семи внешних выделено 13 прочих ведущих причин смерти в Туве (табл. 3).

Таблица 3

Потери в ожидаемой продолжительности жизни по остальным (кроме внешних) причинам смерти в Республике Тува, регионах Севера и России, 2015–2021 гг.¹⁴

Код	Причина смерти	Мужчины			Женщины		
		Россия	Север	Тува	Россия	Север	Тува
129	Атеросклеротическая болезнь сердца	1,04	1,12	0,59	0,95	0,97	0,90
133	Другие формы острой ишемической болезни сердца	0,36	0,38	0,80	0,16	0,18	0,63
9	Туберкулез органов дыхания, подтверждённый бактериологически и гистологически	0,10	0,10	0,90	0,03	0,04	0,42
142	Внутричерепные и другие нетравматические кровоизлияния	0,29	0,28	0,42	0,23	0,23	0,70
149	Последствия цереброваскулярных болезней	0,14	0,19	0,33	0,13	0,18	0,47
183	Фиброз и цирроз печени (кроме алкогольного)	0,34	0,25	0,33	0,28	0,27	0,46
162	Пневмония без уточнения возбудителя	0,26	0,26	0,41	0,15	0,18	0,32
320	Коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19	0,41	0,38	0,24	0,52	0,49	0,38
244	Другие виды внезапной смерти по неизвестной причине, смерть без свидетелей	0,46	0,53	0,41	0,18	0,20	0,20
143	Инфаркт мозга	0,41	0,31	0,23	0,41	0,33	0,37
64	Злокачественное новообразование трахеи, бронхов, легких	0,50	0,51	0,37	0,13	0,15	0,16
127	Острый инфаркт миокарда, включая осложнения, развивающиеся после острого инфаркта миокарда	0,29	0,30	0,30	0,19	0,20	0,23
56	Злокачественные новообразования желудка	0,20	0,20	0,30	0,14	0,16	0,21

¹⁴ Источник: составлено авторами по данным РосБРИС.

Республика Тыва является антилидером по смертности от туберкулеза органов дыхания, подтверждённого бактериологически и гистологически. Хотя данная причина смерти не относится к числу внешних, она тоже свидетельствует о депрессивном состоянии региона. Туберкулез во многом обусловлен социальными факторами, такими как неравенство, урбанизация, обеспеченность продовольствием и недоедание, жилищные условия, экологическая обстановка, барьеры доступа к медицинской помощи [29, Hargreaves J.R. et al.]. Потери в продолжительности жизни от этой причины в 9,0 раз выше среднего по стране уровня у мужчин и в 14,0 раз — у женщин. Данная причина отнимает 0,66 года от продолжительности жизни всего населения. В Тыве ниже смертность от таких заболеваний системы кровообращения, как атеросклеротическая болезнь сердца и инфаркт мозга. Это, вероятно, объясняется более высокой смертностью от внешних причин в ранних возрастах. Иными словами, население региона не доживает до заболеваний старости. В то же время на причину «другие формы острой ишемической болезни сердца» приходится в разы больше смертей, чем в среднем по России. В республике примерно вдвое выше среднего влияние пневмонии, но смертность от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, отняла меньше лет жизни, чем в России и на Крайнем Севере. Это обусловлено меньшей долей пожилых в населении. Низкую избыточную смертность в Тыве подтверждают и другие исследования [30, Nikitin B., Zakharova M., Pilyasov A. et al.].

Несмотря на некоторый рост продолжительности жизни в республике после 2003 г., остаётся чрезвычайно высокой смертность от предотвратимых причин. В то время как одна часть населения стала жить существенно дольше, другая (главным образом мужчины в сельской местности) — умирает от причин, связанных с алкоголем, бедностью и неблагополучием. У городских женщин продолжительность жизни выше на 20 лет (76,0 лет) в сравнении с сельскими мужчинами (56,7 лет). Невысокие значения продолжительности жизни также у сельских женщин (70,0 лет) и городских мужчин (62,3 лет)¹⁵. Резервы увеличения продолжительности жизни населения связаны прежде всего с систематической работой по сокращению смертности от отдельных причин, относимых к числу предотвратимых, т. е. поддающихся влиянию со стороны системы здравоохранения благодаря профилактике, обнаружению и своевременному лечению заболеваний на ранних стадиях. Важно отметить, что Тува, как и многие другие периферийные регионы, сталкивается со сжатием социальной инфраструктуры. Так, число больничных коек в 2000–2022 гг. сократилось с 5,0 до 3,7 тыс. Численность населения на одну койку выросла с 60,9 до 91,5 чел. Вызывает беспокойство динамика организаций за пределами региональной столицы, в сельских районах. Так, число амбулаторно-поликлинических организаций

¹⁵ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 10.12.2024).

сократилось с 75 в 2003 г. до 40 в 2022 г., а число больничных организаций за тот же период снизилось с 50 до 29 единиц¹⁶.

Тем не менее, общая мощность амбулаторно-поликлинических организаций, численность врачей и среднего медицинского персонала выросли. Предполагаем, что это помогло добиться успехов в сокращении младенческой смертности (рис. 8). Если в 2000 г. младенческая смертность в республике была вдвое выше среднероссийской (30,0 и 15,3‰), то в 2020–2022 гг. значения почти сравнялись (5,1 и 4,5‰ в среднем за три года соответственно). По показателю ранней неонатальной смертности (за первые 7 суток жизни) Тува тоже близка к среднероссийскому уровню.

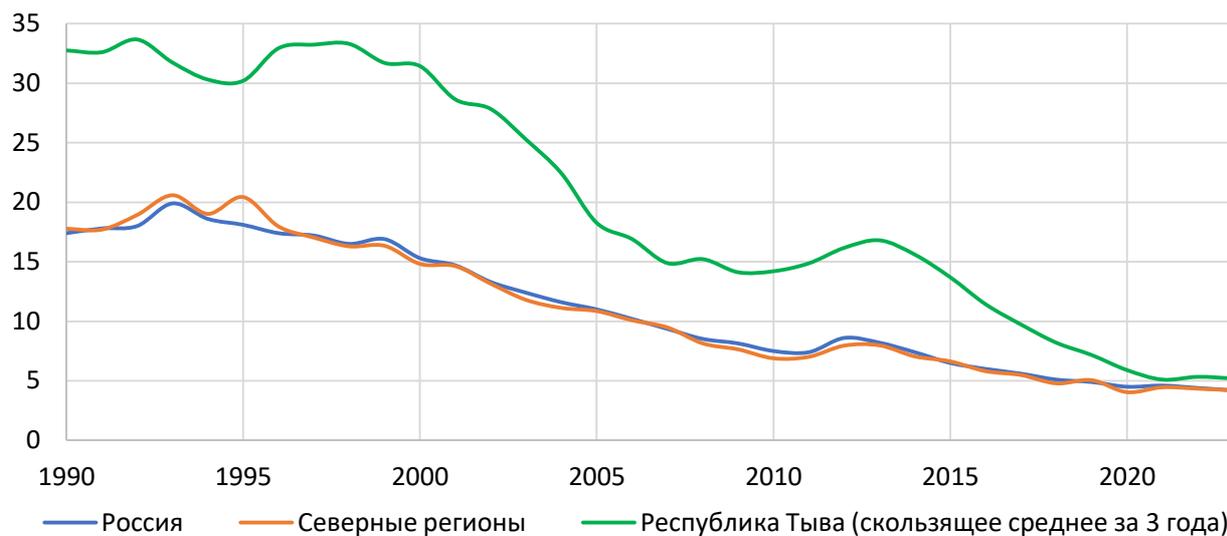

Рис. 8. Коэффициент младенческой смертности на 1 000 родившихся живыми в Республике Тыва, северных регионах и России, 1990–2023 гг.¹⁷

Исследование стандартизованной смертности всех территорий России за 2008–2012 гг. показало, что все муниципальные образования Республики Тыва входят в число наиболее неблагоприятных как по мужской, так и по женской смертности [31, Timonin S., Jasilionis D., Shkolnikov V.M. et al.]. Данные за 2014–2023 гг. демонстрируют, что почти по всей республике показатели продолжительности жизни улучшились. Лидируют Кызыл и Кызылский район, худшие показатели — в периферийных территориях как на западе, так и в восточной части региона. В среднем по всем территориям величина показателя стандартизованной смертности снизилась на 2,2‰ (рис. 9).

¹⁶ Статистический ежегодник Республики Тыва 2023. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814> (дата обращения: 10.12.2024).

¹⁷ Источник: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31166> (дата обращения: 10.12.2024).

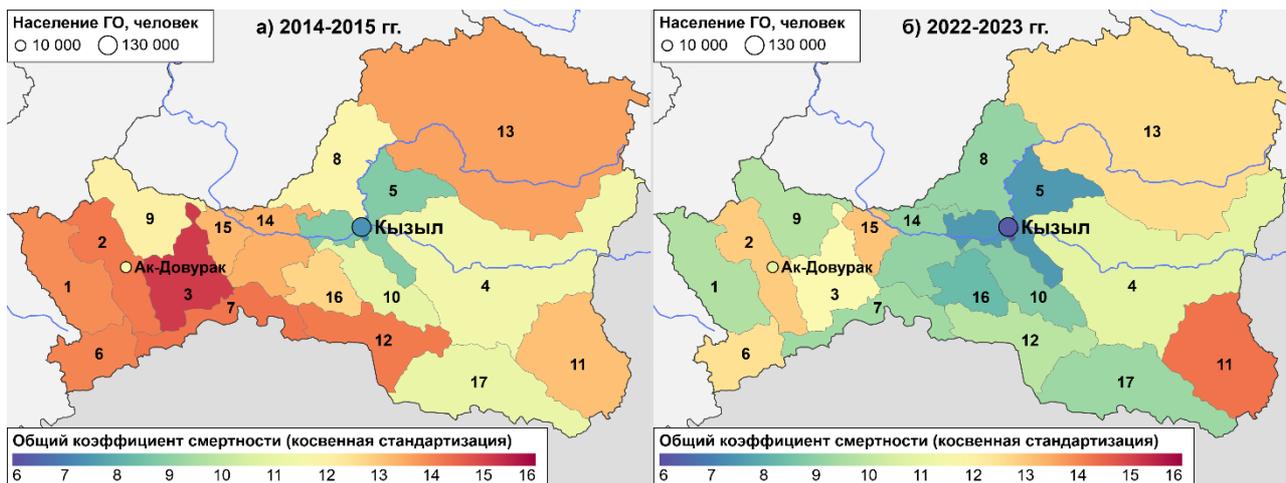

Рис. 9. Стандартизованный коэффициент смертности в Республике Тыва по городским округам и муниципальным районам, 2014–2015 и 2022–2023 гг.¹⁸

В результате высокой смертности мужского населения доля мужчин с последней советской переписи сократилась на 2 п.п. и стабилизировалась на уровне около 47,2%. При высокой доле населения моложе трудоспособного возраста (свыше 30%) доля пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше выросла более чем в 1,5 раза, а средний и медианный возраст населения неуклонно растут. Потери населения трудоспособного возраста от смертности в республике близки к потерям от миграции населения. Проведённый анализ причин смерти свидетельствует о необходимости улучшения материального уровня жизни, повышения качества жизни и уровня образования населения. Республика Тыва продемонстрировала существенные успехи в снижении младенческой смертности, однако по-прежнему остаются причины, уносящие много жизней в трудоспособном возрасте. Они обусловлены алкоголизмом и высоким уровнем бедности населения. Это туберкулез, убийства, самоубийства, отравления, воздействие низкой температуры, ДТП и пневмония.

Демографические тенденции и перспективы Тувы

Чтобы сделать предположения о демографическом будущем республики, рассмотрим динамику основных показателей воспроизводства населения в сравнении с северными регионами и Россией в целом. Коэффициент суммарной рождаемости трёх последних десятилетий показывает, что несмотря на большую изменчивость, Тува устойчиво превосходит средний по Северу России уровень рождаемости. Лишь несколько лет на рубеже тысячелетий регион не достигал уровня простого воспроизводства населения. С 2015 г. показатель сокращается, но остаётся самым высоким на Севере России. Разница между Тувой и северными регионами в современной России всегда была не меньше 0,5 (рис. 10а).

¹⁸ Источник: БДПМО Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 10.12.2024).

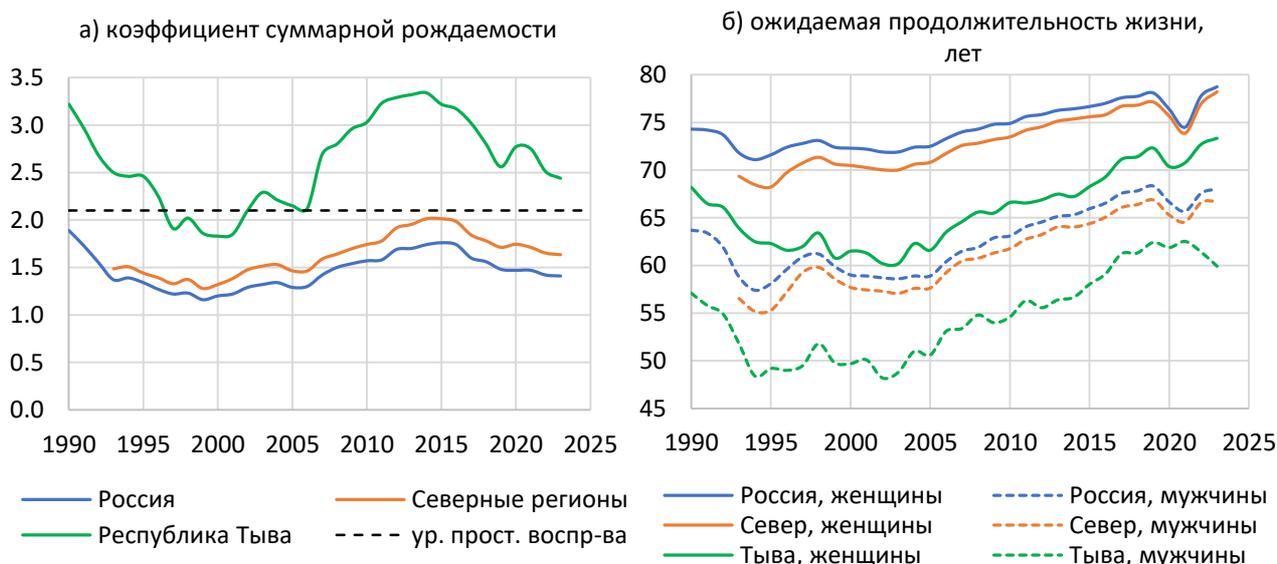

Рис. 10. Динамика показателей воспроизводства населения в России, северных регионах и Тыве, 1990–2023 гг.¹⁹

Ожидаемая продолжительность жизни в республике росла с середины 2000-х гг. до периода пандемии (рис. 10б). Исследование показало, что сохранились существенные резервы для дальнейшего снижения смертности. Мужчины Тывы за три последние десятилетия в среднем жили на 6,6 лет меньше, чем на Севере России, а женщины — на 7,2 года. У женщин этот разрыв постепенно сокращается, у мужчин остается высоким.

Каковы демографические перспективы Тывы? Прогноз численности населения, выполненный Росстатом, показывает, что население Севера продолжит сокращаться (на 1,6% к 2045 г.), а число жителей Тывы будет расти (на 21,5% или 72,5 тыс. человек). Это наилучший прогноз среди всех северных регионов. На втором и третьем местах расположены Якутия и Ямало-Ненецкий АО, рост населения которых прогнозируется на уровне 12,7%. Для сравнения, по тому же прогнозу Республика Коми потеряет 26,3% населения, а Архангельская область — 20,3%. Если на начало 2024 г. на Тыву приходится 4,5% населения северных регионов, то к 2045 г. прогнозируется увеличение до 5,6% (табл. 4).

¹⁹ Источник: ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517>; <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 10.12.2024).

Таблица 4

Прогноз численности населения северных регионов России и Республики Тыва²⁰

Показатель	2024 г. (факт.)	2025 г.	2030 г.	2035 г.	2040 г.	2045 г.	Прирост, 2024– 2045, %
Общая численность, тыс. человек							
Северные регионы	7 441,5	7 395,4	7 298,6	7 250,7	7 265,0	7 324,7	-1,6
Республика Тыва	337,5	341,7	353,4	369,8	389,8	410,0	21,5
доля Тывы среди северных регионов, %	4,5	4,6	4,8	5,1	5,4	5,6	
в том числе трудоспособного возраста							
Северные регионы	4456,1	4424,3	4590,7	4628,3	4564,8	4445,9	-0,2
Республика Тыва	192,2	196,5	218,6	232,2	241,2	246,9	28,5
доля Тывы среди северных регионов, %	4,3	4,4	4,8	5,0	5,3	5,6	

Численность населения трудоспособного возраста в Тыве за то же время вырастет ещё сильнее — на 28,5% (или 54,7 тыс. чел.), а на Севере, согласно прогнозу, почти не изменится. Это особенно важно в связи с тем, что, согласно Стратегии пространственного развития России, приграничные районы России наряду с Арктикой и Дальним Востоком относятся к числу геостратегических территорий, важных для обеспечения связности страны и национальной безопасности.

Заключение

Существующие государственные и региональные программы, способствующие сохранению традиционного образа жизни тувинцев, направленные на стимулирование рождаемости и поддержку многодетных семей, не решают проблему бедности. Длительное пребывание тувинских семей в состоянии материальных лишений и зависимость населения от пособий вызывают озабоченность, поскольку в перспективе приводят к формированию иждивенческих настроений и культуре бедности. Для региона это означает зависимость от лояльности центра и снижение потенциала социально-экономического развития территории. Поэтому усилия республиканских властей должны быть направлены на стимулирование экономики через диверсификацию практик хозяйствования и усиление горизонтальных связей в местных сообществах, когда в формировании стратегий развития территорий участвуют различные социальные группы.

В настоящее время мы не наблюдаем столь массового оттока населения, как в некоторых других регионах Российского Севера. Образовательную миграцию нельзя считать негативным фактором, поскольку она способствует росту квалификации трудовых ресурсов и уровня жизни населения. Основной резерв улучшения ситуации здесь состоит в стимулировании населения к возвращению после получения образования. Для тувинцев значимым фактором привлекательности может быть привычная языковая и культурная

²⁰ Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года. Росстат. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 10.12.2024).

среда, но без создания высококвалифицированных рабочих мест, развития культуры и индустрии развлечений невозможно существенным образом сократить отток образованной молодежи. Для возвращения молодых специалистов следует наладить работу по информированию о возможностях трудоустройства в регионе в период завершения обучения для реализации профессиональных амбиций²¹, в то время как для старших возрастных групп следует улучшить условия ведения предпринимательства, доступность и качество сферы социальных услуг. Ориентация населения старшего возраста на отъезд может служить плохим сигналом для молодёжи, порождать их миграционные настроения. Сложная экономическая ситуация в регионе приводит к формированию семейных стратегий, когда родители заинтересованы в отъезде детей из региона. Сквозь призму прожитой жизни именно старшее поколение определяет и финансирует миграционные потребности молодёжи через учёбу за пределами региона.

Благодаря высокому положению семьи в иерархии ценностей, этническому самосознанию, а также материальному стимулированию в Туве сохраняются высокие показатели рождаемости. Основная нагрузка ложится на сельских женщин, которые «вытягивают» демографическую ситуацию к положительным показателям, несмотря на низкую продолжительность жизни и миграционную убыль. В настоящее время существует точка зрения, что меры по стимулированию рождаемости должны быть направлены именно на женщин, заинтересованных в семьях с большим количеством детей. Однако, с нашей точки зрения, данные меры могут иметь положительный, но ограниченный эффект, особенно в семьях, где распространены практики домашнего насилия, присутствуют признаки девиантного поведения одного из супругов. Важное значение приобретает сохранение и развитие социальной инфраструктуры (детские сады, школы, медицинские учреждения) на отдаленных территориях, где рождаемость остается высокой. Допустимо укрупнение ближайших населённых пунктов с целью оптимизации социального обслуживания населения, однако происходить это должно исключительно с учётом потребностей и образа жизни жителей этих отдаленных районов. Несомненным успехом региона является снижение младенческой и детской смертности. Развитие медицинских услуг, повышение их качества требуют квалифицированных специалистов и вложений в социальную инфраструктуру. Создание комфортной среды — важный фактор не только для местных жителей, но и для привлечения туристов из других регионов России. Расширение сферы туризма в свою очередь способно простимулировать развитие целого спектра других видов деятельности, таких как создание сувенирной продукции, пищевая и легкая промышленность. В настоящее время занятость в данных отраслях остается низкой, а бедность по-прежнему расходует экономические ресурсы региона, но не решает стратегических проблем.

²¹ Подобные практики широко применяются на Европейском Севере [32, Kull M. и др., с. 142].

Список источников

1. Lamazhaa Ch. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva Facing Modern Challenges // Asian Studies, The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12). 2022; 1: 296–308. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>
2. Гусаков Т.Ю. Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. 2019; 4 (4): 76–95. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>
3. Dirin D.A., Fryer P. The Sayan borderlands: Tuva's ethnocultural landscapes in changing natural and sociocultural environments // Geography, Environment, Sustainability. 2020; 13 (1): 29–36. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>
4. Соян Ш.Ч. Современные демографические проблемы Республики Тыва // Народонаселение. 2023; 26 (3): 43–54. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4>
5. Абылкаликов С.И. Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. 2021; 4: 131–142. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
6. Tarbastaeva I.S. Tuva's Transformation into a Monoethnic Region: Risks and Possibilities // Problems of Economic Transition. 2019; 61 (1–3): 54–68. <https://doi.org/10.1080/10611991.2019.1691879>
7. Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016; 10: 85–92.
8. Абылкаликов С.И., Баймурзина Г.Р., Баталов Р.О. Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. 2023; 2: 6–16. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
9. Чернышев К.А., Митягина Е.В., Чернышева Н.В., Петров Е.Ю. Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. 2023; 2: 70–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>
10. Натсак О.Д. Трансформация репродуктивной модели тувинской семьи: историческая ретроспектива и современные тенденции // Социологическая наука и социальная практика. 2022; 10 (2): 52–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>
11. Натсак О.Д. Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. 2021; 24 (2): 120–130. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>
12. Боргоякова Т.Г., Лопсан А.П. Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе // Новые исследования Тувы. 2024; 4: 46–60. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>
13. Анайбан З.В. Женская история в работах российских исследователей-тувиноведов // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. Москва: ИЭА РАН; 2021. 268 с.
14. Ростовская Т.К., Натсак О.Д., Еламанова А.С. Неполные семьи в Туве и Казахстане: статистико-демографический взгляд на проблему // Новые исследования Тувы. 2024; 2: 243–262. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>
15. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Москва — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН; 2012. 346 с.
16. Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы // Экономическая социология. 2023; 24 (5): 93–127. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>
17. Сабгайда Т.П., Руднев С.Г., Зубко А.В., Евдокушина Г.Н. Предотвратимая смертность в Республике Тыва и влияние на неё пандемии COVID-19 // Новые исследования Тувы. 2023; 2: 50–69. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4>
18. Ревякина О.В., Филимонов П.Н., Мурашкина Г.С., Алексеева Т.В., Новикова Н.М. Прогноз развития эпидемической ситуации с туберкулезом в Республике Тыва // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. 2011; 2 (78): 167–171.
19. Андреев Е.М., Чурилова Е.В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023; 10 (3): 4–20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>

20. Чудиновских О.С. К вопросу о возможности изучения миграции по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. // Демографическое обозрение. 2025; 12 (2): 4–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>
21. Петросян А.Н. Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. 2021; 8 (3): 42–73. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>
22. Preston S., Heuveline P., Guillot M. Demography: Measuring and modeling population processes. Oxford: Blackwell Publishers Ltd; 2001. 291 p.
23. Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика // Арктика и Север. 2019; 37: 94–117. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>
24. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. 2023; 3: 207–219. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>
25. Abel G.J., Cohen J.E. Bilateral international migration flow estimates for 200 countries // Scientific Data. 2019; 6: 82. <https://doi.org/10.1038/s41597-019-0089-3>
26. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014; 3: 33–47.
27. Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. Порядковый переход рождаемости в длительной исторической ретроспективе // Демографическое обозрение. 2024; 11 (3): 25–48. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22713>
28. Frantsuz Yu.A. In Search for the Best-Fitting Theoretical Model for Explaining Demographic Dynamics // Population and Economics. 2025; 9 (1): 108–128. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e128817>
29. Hargreaves J.R., Boccia D., Evans C.A., Adato M., Petticrew M., Porter J.D. The social determinants of tuberculosis: from evidence to action // American Journal of Public Health. 2011; 101 (4): 654–662. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2010.199505>
30. Nikitin B., Zakharova M., Pilyasov A., Zamyatina N. The burden of big spaces: Russian regions and cities in the COVID-19 pandemic // Letters in Spatial and Resource Sciences. 2023; 16: 16. <https://doi.org/10.1007/s12076-023-00341-z>
31. Timonin S., Jasilionis D., Shkolnikov V.M., Andreev E. New perspective on geographical mortality divide in Russia: a district-level cross-sectional analysis, 2008–2012 // Journal of Epidemiology & Community Health. 2020; 74: 144–150. <https://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>
32. Kull M., Refsgaard K., Sigurjónsdóttir H.R., Bogason Á., Wøien Meijer M., Sánchez Gassen N., Turunen E. Attractive Rural Municipalities in the Nordic countries: Jobs, People and Reasons for Success from 14 Case Studies. Stockholm: Nordregio; 2020. 237 p. <https://doi.org/10.6027/R2020:1.1403-2503>

References

1. Lamazhaa Ch. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-Speaking, Buddhist Tuva Facing Modern Challenges. *Asian Studies, the Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. 2022; 1: 296–308. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>
2. Gusakov T.Yu. The Multistructure of the Contemporary Ethnic Region in Russia: Archaization, Agrarianization and Migration (On the Example of the Republic of Tyva). *Russian Peasant Studies*. 2019; 4 (4): 76–95. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>
3. Dirin D.A., Fryer P. The Sayan Borderlands: Tuva's Ethnocultural Landscapes in Changing Natural and Sociocultural Environments. *Geography, Environment, Sustainability*. 2020; 13 (1): 29–36. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>
4. Soyán Sh.Ch. Modern Demographic Problems of the Republic of Tuva. *Population*. 2023; 26 (3): 43–54. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.4>
5. Abylkalikov S.I. Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance. *The New Research of Tuva*. 2021; 4: 131–142. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
6. Tarbastaeva I.S. Tuva's Transformation into a Monoethnic Region: Risks and Possibilities. *Problems of Economic Transition*. 2019; 61 (1–3): 54–68. <https://doi.org/10.1080/10611991.2019.1691879>

7. Balakina G.F., Anayban Z.V. Features of Ethno-Regional Migration in Tuva. *Sociological Studies*. 2016; 10: 85–92.
8. Abylkalikov S.I., Baimurzina G.R., Batalov R.O. Migration of the Population in Tuva According to the All-Russian Census of 2020. *The New Research of Tuva*. 2023; 2: 6–16. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
9. Chernyshev K.A., Mityagina E.V., Chernysheva N.V., Petrov E.Yu. Incidence and Directions of Educational Migration of Tuvan Youth. *The New Research of Tuva*. 2023; 2: 70–83. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>
10. Natsak O.D. Transformation of the Reproductive Model of the Tuvan Family: Historical Retrospective and Current Trends. *Sociological Science and Social Practice*. 2022; 10 (2): 52–71. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9028>
11. Natsak O.D. Gender and Demographic Features of the Labor Market of the Republic of Tuva: Trends and Prospects. *Population*. 2021; 24 (2): 120–130. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>
12. Borgoiakova T.G., Lopsan A.P. Gender Issues in the Tuvan Internet Discourse. *The New Research of Tuva*. 2024; 4: 46–60. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>
13. Anayban Z.V. Women's History in the Works of Russian Tuvan Researchers. In: *Women's History Today: Source Studies, Historiography, New Methodological Approaches*. Moscow, IEA RAS Publ.; 2021. 268 p.
14. Rostovskaya T.K., Natsak O.D., Elamanova A.S. Single-Parent Families in Tuva and Kazakhstan: A Statistical and Demographic View of the Problem. *The New Research of Tuva*. 2024; 2: 243–262. <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.15>
15. Lazhentsev V.N., ed. *Spatial and Temporal Trends of Socio-Economic Processes in the Russian North*. Moscow, Syktyvkar, KSC UB RAS Publ.; 2012. 346 p. (In Russ.)
16. Lytkina T.S., Yaroshenko S.S. Expulsions of the Russian North: Exclusion without Rights to Resources. *Economic Sociology*. 2023; 24 (5): 93–127. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>
17. Sabgaida T.P., Rudnev S.G., Zubko A.V., Evdokushina G.N. Preventable Mortality in the Republic of Tuva and the Impact of the Covid-19 Pandemic on It. *The New Research of Tuva*. 2023; 2: 50–69. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4>
18. Revyakina O.V., Filimonov P.N., Murashkina G.S., Alekseyeva T.V., Novikova N.M. Prognosis of Epidemiologic Situation with tB in the Republic of Tuva. *Bulletin of the East Siberian Scientific Center SB RAMS*. 2011; 2 (78): 167–171.
19. Andreev E.M., Churilova E.V. The Results of the 2021 All-Russian Population Census in the Light of Civil Registration Statistics and Censuses of Previous Years. *Demographic Review*. 2023; 10 (3): 4–20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>
20. Chudinovskikh O.S. On the Issue of the Possibility of Studying Migration Based on the Materials of the 2020 All-Russia Population Census. *Demographic Review*. 2025; 12 (2): 4–34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27489>
21. Petrosian A.N. Fertility at the Municipal Level in Russia, 2011–2019. *Demographic Review*. 2021; 8 (3): 42–73. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>
22. Preston S., Heuveline P., Guillot M. *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd; 2001. 291 p.
23. Lytkina T.S., Smirnov A.V. Expulsions in the Russian North: Migration Processes and Neoliberal Policy. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2019; 37: 94–117. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94>
24. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Challenges of Educational Migration of Tuvan Youth: Demographic Aspect. *The New Research of Tuva*. 2023; 3: 207–219. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>
25. Abel G.J., Cohen J.E. Bilateral International Migration Flow Estimates for 200 Countries. *Scientific Data*. 2019; 6: 82. <https://doi.org/10.1038/s41597-019-0089-3>
26. Lytkina T.S. The Social Potential of the Northern City: From Ignorance to Recognition. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014; 3: 33–47.
27. Kalabikhina I.E., Kuznetsova P.O. Parity Transition in Fertility in a Long Historical Perspective. *Demographic Review*. 2024; 11 (3): 25–48. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i3.22713>

28. Frantsuz Yu.A. In Search for the Best-Fitting Theoretical Model for Explaining Demographic Dynamics. *Population and Economics*. 2025; 9 (1): 108–128. <https://doi.org/10.3897/popecon.9.e128817>
29. Hargreaves J.R., Boccia D., Evans C.A., Adato M., Petticrew M., Porter J.D. The Social Determinants of Tuberculosis: From Evidence to Action. *American Journal of Public Health*. 2011; 101 (4): 654–662. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2010.199505>
30. Nikitin B., Zakharova M., Pilyasov A., Zamyatina N. The Burden of Big Spaces: Russian Regions and Cities in the COVID-19 Pandemic. *Letters in Spatial and Resource Sciences*. 2023; 16: 16. <https://doi.org/10.1007/s12076-023-00341-z>
31. Timonin S., Jasilionis D., Shkolnikov V.M., Andreev E. New Perspective on Geographical Mortality Divide in Russia: A District-Level Cross-Sectional Analysis, 2008–2012. *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2020; 74: 144–150. <https://doi.org/10.1136/jech-2019-213239>
32. Kull M., Refsgaard K., Sigurjónsdóttir H.R., Bogason Á., Wøien Meijer M., Sánchez Gassen N., Turunen E. *Attractive Rural Municipalities in the Nordic Countries: Jobs, People and Reasons for Success from 14 Case Studies*. Stockholm, Nordregio; 2020. 237 p. <https://doi.org/10.6027/R2020:1.1403-2503>

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 13.10.2025

*Вклад авторов: Лыткина Т.С. — формирование теоретических рамок исследования, подготовка части рукописи о социальной сфере и заключения
Смирнов А.В. — разработка методики исследования, сбор и анализ данных, визуализация, подготовка демографической части рукописи*

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов